

Структурная организация вторичных местоименных номинаций

Личные местоимения могут включаться в метафорические контексты различных структурно-композиционных структур. В зависимости от количества смысловых центров выделяются следующие виды таких контекстов:

Однокомпонентные метафорические контексты (раскрывается содержание одного местоимения): *Мы – мірныя людзі*. (П. Панченко); *Раднёю і мовай не грэбуй, Ты – колас паміж каласоў*. (С. Законников); *Ты [вакзал] – прыпынак маіх успамінаў*. (В. Витка).

Двухкомпонентные метафорические контексты (раскрывается содержание двух местоимений): *Вы – цудадзейныя багіні, Выратавальніцы Зямлі. Вы – бесмяротныя вяргіні, Што ў ліхалецце расцвілі*. (Л. Дайнеко); *Лёсу было неабходна, каб я стаў летанісцам – вашым. І няма высакародней працы, Бо я – часцінка ваша, ваш прыток, Я – сын ваш*. (А. Статкевич-Чабоганов).

Трёхкомпонентные метафорические контексты (раскрывается содержание трех местоимений): *Я сын, я сэнс, я дух жывы прыроды, астатняе – вучонасці сіндром*. (В. Зуёнок); *Ты – радасць, ты – ветразь, ты – крылле жыцця*. (М. Дукса); *Ты – шчасця, свабоды і дружбы вяшчуння, Ты – светлая па-над зямлёй зараніца, Ты – шчырага сэрца крыніца, Крыштальная руская мова*. (М. Танк).

В структуру различных типов контекстов могут включаться однородные члены, которые позволяют более развернуто раскрыть содержание личных местоимений: *Я – трывога і прадчуванне*. (В. Русилка); *І самаўпэўнены, што я верх дасканаласці і цар стварэнняў*. (В. Жилка); *Яна – жыцця зачын і пачатак песні новай*. (Я. Сипаков). Иногда синонимический ряд образует многочисленные парадигмы, где личность характеризуется довольно полно и всесторонне: *А ён... проста манюка, хітрэц, фарысей, ашуканец, прыкіда, фальшываманетчык, бо выдае сябе не за тое, што ён ёсць*. (Я. Колас). Развернутый состав конкретизаторов местоимения я наблюдается в следующих примерах: *Я даўно разумны. Я – сын бацькоў са знішчанага пачынка, я – шкаляр... Бадзяга... Камедыянт... Правадыр хеўры*. (В. Короткевич); *Я пенат твой, дом. Я – твой слухач. І заступнік. І ахоўнік твой. І замоўнік ад усіх няўдач*. (К. Жук).

Смысловые центры могут распространяться за счет включения в контекст придаточных определительных частей: *Я – мэта, што тоесна перашкодзе*. (А. Рязанов); *Яна [праца] – агністы наш ліхтар, Што нам да скону свеціць*. (Л. Дайнеко); *Мы з табой пералётныя птахі, якім не вярнуцца назад*. (А. Письменков); *Ён [Янка Купала] – родны бацька песні той, Што ў жар паноў кідала*. (А. Александрович); *Я – толькі тая кропля цяпла, Што вочы мае*. (Р. Бородулин). В отдельных случаях в качестве заместителя местоимения используется сложноподчиненных предложениях с местоимением *той* – и соединительным словом *хто*: *Я – той, каму*

пашчасціла спазнаць: *Жанчына адыходзіць, як стагоддзе, І я хачу стагоддзе затрымаць.* (Л. Дранько-Майсюк). Содержание однокомпонентного метафорического контекста может уточняться отдельным предложением: *Ты [вада] – ток жыцця! З тваіх глыбінь вячыстых Да нас бяжыш струменем урачыстым, Каб напайць і ў спёку і ў мароз.* (М. Бусько); *Мы – лёсу нашага ахвяры. Ды не старэюць з часам мары.* (А. Богомолова).

В однокомпонентных контекстах может использоваться прием повторения одних и тех же слов или их форм: *Я між вар'ятаў усіх і вар'ятак Самы ішчаслівы на свеце вар'ят.* (Л. Дранько-Майсюк). Такая тавтологичность позволяет сконцентрировать внимание на предмете описания, повысить его смысловую значимость.

В художественном дискурсе изредка применяются контексты, в которых используется прием утверждения при помощи отрицания с частицей *не*, которая занимает препозицию к утвердительной части: *Я не кумір – я чорны раб, прыкуты векам да галеры.* (В. Зуёнок); *Я не паэт, калі душы маёй малітваў не шэпча ў грозныя часы народ.* (М. Седнев); *Я не выбраннік – я крыло рукою замяніў пачварнай.* (В. Зуёнок); *Паэт у жыцці не нахлебнік, Ён сейбіт. Змагар І прарок.* (С. Законников); *Яна [песня] не наітак прэсны, а самы моцны хмель.* (Л. Гениуш); *Можга, сам я не заўважыў, мо няўзнак: Я не проста чалавек, а ваўкалак?* (А. Барановский). Отрицательная частица *не* в определенных текстовых фрагментах может повторяться: *Я не прыгажун! Не герой! Я штрафнік!* (В. Быков); *Я не першы на зямлі, Не апошні ў цугу тым.* (М. Метлицкий); *Не пейзажыст я, не аматар квяцістых розных апісанняў.* (А. Зэков). В дискурсе Янки Купалы такой прием усложняется тремя отрицаниями, два из которых включают придаточные определительные части: *Я не сокал зоркавокі, Не арол адважны, Што так думна за аблокі Ўзносіца з іх кажны. Нават я не салавейка, Што пяе так слаўна, А я толькі верабейка, Ўзрошчаны пад Гайнай.* (Я. Купала).

Дейктичность местоимений способствует созданию не единых и гомогенных субстанций, а статико-динамических, гетерогенных структур, в которых осуществляется развертывание текстовых фрагментов самой разной продолжительности, разной семантической направленности и наполненности. Одному и тому же носителю могут приписываться различные качества и свойства. Сами же метафоры в таких случаях носят развернутый характер. Различные смысловые центры и семантические приращения, несмотря на их вариативный и перечислительный характер, сочетаются и пересекаются в нескольких плоскостях и образуют открытые цепочки, обеспечивающих смысловое развитие текста и накопление достоверной информации: *Я – ліра, што маўчыць без струн, нямы без бліскавіц пярун, Вір безгалосы рэчкі... Я – мёртвы лебедзь белы.* (К. Жук); *Ты [каханне] – працяг жыцця зямнога, Ты – замова ад пракляцця,.. мая зямная зорка, і шчырасць, і спагада, і песня, і надзея.* (Х. Гуринович); *А ты сама [мова]– душа народа, яго краса, яго прырода..... Ты неахопная – як воля, Ты неацэнная – як доля, Ты неад'емная – як лёс.* (В. Жукович); *Мы –*

тройчы дзеці ў вечным крузе: Мы дзеці роднае сям'і, І дзеці Маці-Беларусі, І дзеці Матухны-Зямлі. (Н. Гилевич).

С целью выделения наиболее важных мыслей, подчеркивания их важности и значимости в текстах могут применяться анафоричные конструкции, которые способствуют созданию целостности и единства структуры текста. Часто повторяются местоимения «я», «ты»: **Я** – *матчын спеў, я – матчыны трывогі, Я – матчын гнеў, які ўставаў на ногі, Гнаў смерць на Захад...* (А. Кулешов); **Ты** *са мной, летуценнага шчасця заранка. Я цалую цябе, апякаючы вусны...* **Ты** – *каханне маё, ты – любові маёй паланянка. Ты – усмешка маёй неадольнай спакусы.* (Л. Прончак). В стихотворении Н. Гальперовича «**Я** – ученик. Птицы пишат мне...» трижды повторяется автометафора **я** – ученик, которая конкретизируется и объясняется после каждого повтора: **Я** – *вучань. Птушкі пішуць мне У тонкі сшытак даўнія імёны. Я – вучань. Мне настаўнік загадаў Вучыць на памяць рэкі, хмары, дрэвы. Я – вучань. Я імкнуся рагадаць пергаменты нябёсаў, кнігі жыццяў, Валошкі сівізну у спелым жыце І вусны, на якіх вякоў пячаць.* И нельзя не вспомнить известное стихотворение Я. Коласа «Мужык», каждое из пяти четверостиший в котором начинается анафорой «**Я** – мужык». В начале каждой строфы дается разная расшифровка этой анафоры: в первом случае «**Я** – мужык, бядак пахілы», в другом – «**Я** – мужык, я – сын пакуты», в третьем – «**Я** – мужык, я – сын бядноты», в четвертом – «**Я** – мужык, не чую звону», в пятом – «**Я** – мужык, а гонар маю». Такое структурное и композиционное строение стиха, безусловно, способствует созданию целостного и в то же время многомерного образа белорусского крестьянина.

Семантический и структурный диапазон метафоризированного контекста нередко включает несколько метафорических фокусов, граница которых в ряде случаев является довольно открытой. Смысловая направленность и реципиентный состав таких контекстуальных метафор зависит от мировидения писателя, глубине впечатлений и ассоциаций, связанных с предметом описания. Так, в стихотворении Я. Купалы «О так! Я – пралетар!» наблюдается градация с последовательным возрастанием смыслового и эмоционального содержания четырех метафорических фокусов: *О так! Я – пралетар! Яшчэ учора раб пакутны – Сягоння я зямлі ўладар І над царамі цар магутны.* В метафорическом контексте Максима Танка содержание местоимения «я» выявляется путем тщательного и скрупулезного подбора большого количества слов самой разной смысловой направленности: *Я – ў кожnym пажары, Я – польмя брат, Я – ў кожnym удары Жалезных лапат. Я – ў скаргах, я – ў слёзах І сірат і ўдоў. Я – ў шуме бярозаў У гуле вятроў. Я – ў чорных загонах, У скібах цяжкіх, У кос перазвоне Між ніў залатых.*

Специфической чертой многих поэтических произведений является использование в них сравнений, сопоставлений, контрастов, ярких антитезных изображений. Безусловно, важную роль в этом выполняют личные местоимения, которые чаще всего противопоставляются по линии «я» и «ты», «я» и «мы», «мы» и «вы». Так, в стихотворении В. Жуковича

представлена целая цепочка метафорических фокусов, контрастность в которых создается за счет применения антонимов разного смыслового содержания: *Вучыцель і мучыцель ты, мой сорам. Ты – праўды друг і фальшы ўсякай вораг. Ты – плод сумлення ці ягоны карань? Не ў стане жыць я без твайго дакору. Ты – мая ўлада, я – твая пакора, мая ахова ты, мая апора, мой чуйны камертон у ічасці й горы, Ты – мой агмень і на агмені порах.* Поэтический дискурс Т. Кляшторного разворачивается за счет сопоставления содержания личных местоимений «мы» и «я»:

Хто вы?!
Абломкі далёкага дальняга,
Госці абжытых вякоў,
Мы – алкаголь,
Мы – жальба пахавальная,
Мы – гэта смерць і любоў.
Я – гэта Рым,
Я – антычная Грэцыя,
Я – гэта зброя сляпога жраца,
Я – ракавая пячаць індульгенцыі,
Я – і нявольнік, і цар.

В строках из стихотворения П. Панченко «Размова з нашчадкамі» антитеза носит развернутый характер и строится за счет насмешливо-иронического содержания местоимений «мы» и «вы»: *Мы кансерватары ўсе Тупаватыя, Вы – завадатары бур І наватары. Мы ўсе аўральнікі, Культу стваральнікі. Вы – праўдалюбцы, Хлусні выкрывальнікі.*

Таким образом, вторичные местоименные номинации как определенные статико-динамические структуры определяют специфику многих произведений художественной литературы. Они позволяют расширить смысловой объем высказывания, подчеркнуть и выделить наиболее важные элементы речевого континуума, акцентировать внимание как на постоянных, так и на временных, эпизодических признаках. Содержание местоимений раскрывается путем экспликации сегментов большей или меньшей продолжительности, определенного структурного и семантического наполнения. Довольно часто в эпицентре текстового фрагмента находится малая и большая Родина человека, родной язык. Во многих поэтических произведениях выделяются дискурсы о поэзии, ее сущности и назначении. Высокой продуктивностью характеризуются персонифицированные метафорические структуры, в которых актуализируются такие признаки, как род занятий человека, его профессия, национальность, материальное положение, возраст, религиозная убежденность, черты характера и др. При местоимениях могут использоваться различные предикативы референтной и нереферентной соотнесенности, и человек в этих случаях отождествляется с деревьями, ветвями, растениями, травами, звездами, облаками, абстрактными понятиями и др. В ряде случаев наименования лиц характеризуются пейоративной

коннотацией и сравниваются с названиями животных, деревьев, растений, многих предметов и артефактов. В фокусе определенных оценок и мнений часто оказывается женщина, любимая девушка, диапазон отождествления с которыми довольно широк. Вторичные местоименные номинации часто носят философско-экзистенциальный характер, являются метафорической самоидентификацией, авторским «я», наполненным самыми разными ассоциациями и перевоплощениями лирического героя.

Личные местоимения включаются в метафорические контексты различных структурно-композиционных структур и создают многочисленные образно-смысловые фокусы в сочетании с разного рода семантическими распространителями. Выделяются однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные и многокомпонентные метафорические контексты, смысловые центры которых распространяются за счет однородных членов, придаточных частей предложения и отдельных предложений. В качестве автометафоры может выступать и целое произведение. В метафоризированном контексте используются приемы нанизывания метафор, их повторения, а также сочетания метафор с другими образно-выразительными средствами (сравнениями, сопоставлениями, контрастами, яркими антитезными изображениями, анафоричными конструкциями). Реализация смыслового потенциала местоименных номинаций зависит от специфики мировосприятия автора, его личного жизненного опыта, индивидуальных систем ценностей, от обилия представлений и свежести ассоциаций, особенностей стиля и почерка изложения фактов и многих других причин.

